

Гольшклина Л. А. Риторика декодирования : теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Гольшклина // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24.

Golyshkina, L. A. (2020). Decoding Rhetoric: Theoretical and Methodological Substantiation of the Scientific Direction. *Nauchnyi dialog*, 5: 9-24. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24. (In Russ.).

УДК 808.51:001.5:81-139

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24

РИТОРИКА ДЕКОДИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

© Гольшклина Людмила Александровна (2020), orcid.org/0000-0003-1016-6103, WoS ResearcherID AAI-9911-2020, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования, декан факультета повышения квалификации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (Новосибирск, Россия), lag@fpk.nstu.ru.

В статье представлено теоретико-методологическое обоснование нового филологического направления — риторики декодирования, формирующегося путем синтеза аналитической риторики, когнитивистики, семиотики и лингвистики текста. Указаны актуальные обстоятельства и факторы, обуславливающие возможности выделения риторики декодирования. Проведено сопоставление стилистики декодирования и риторики декодирования. Описано понятие риторики декодирования, сформулированы ее объект и предмет. Рассмотрены когнитивно-коммуникативные основания риторического декодирования. Вводится понятие риторического текстотипа как когнитивного ориентира, или ментального образца, программируемого структурой коммуникативного акта. Риторический текстотип как модель обладающего персуазивным, или воздействующим, потенциалом текста, выступает ориентиром для распознавания текстообразующего замысла продуцента. Установлены коммуникативно-когнитивные корреляции, объясняющие сущность эффективного текста. Особое внимание уделяется риторической реконструкции текстообразования как методу исследования. Риторическая реконструкция как аналитическая процедура позволяет поэтапно рассматривать способы и средства вербализации стратегий текстообразования — инвентивной, диспозитивной и злокутивной. Риторическая реконструкция выступает инструментом диагностирования эффективности текста, а также выявляет зоны его риторических рисков. Указаны области применения риторической реконструкции. Намечены перспективы исследования риторики декодирования как области знания, претендующей на собственный лингвоонтологический статус.

Ключевые слова: риторика декодирования; риторический текстотип; ментальный образец; контекстная модель; коммуникативный акт; типологические признаки; риторические стратегии текстообразования; риторическая реконструкция текстообразования.

1. Введение

Цель статьи состоит в теоретико-методологическом обосновании риторики декодирования — научного направления, претендующего сегодня на собственный лингвоонтологический статус.

Провозглашенный философией во второй половине XX столетия так называемый «риторический поворот», характеризующийся антиобъективизмом и тяготением к интерпретативизму [The Rhetorical Turn, 1990] и постулирующий, «что риторические формы неизбежно участвуют в формировании реальности» [Косарев, 2016, с. 16], объясняет наблюдаемый в настоящее время выход риторики далеко за пределы ее традиционного предметного поля.

Известно, что риторика представлена сегодня широким спектром теоретических и прикладных направлений: от классической теории устной публичной речи до риторической герменевтики и риторической критики [Безменова, 1991; Панов, 2005; Рождественский, 2003], которые объединены общей идеологией понимания феномена риторического как эффективной мыслеречевой деятельности.

Такой объемный макрообъект исследования создает условия для возможности выделения новых направлений научного знания, удовлетворяющих требованиям полипарадигматичности, междисциплинарности и метадисциплинарности, а также направляет на поиск и формирование соответствующих синтетических методов. Неслучайно А. А. Чувакин, рассуждая о полифонии методов современной риторики, отмечает, что «проблема метода риторического исследования является все еще слабо отрефлексированной» [Чувакин, 2005, с. 99], формулируя тем самым актуальную исследовательскую повестку.

Кроме того, в условиях, когда в мире становится «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [Baudrillard, 1981, с. 119], изучение процессов понимания, а также поиски технологий объяснения и интерпретации представляются как никогда актуальными. Так, В. Кинч и Т. ван Дейк отмечают: «Не может быть такой теории понимания, которая одновременно была бы и общей и частной, потому что нет единого, целостного процесса “понимания”. Каждый раз, когда мы пытаемся вникнуть в процесс понимания дискурса, он кажется чуточку иным. Поэтому нужны как раз основы исследования, ряд принципов и методов анализа, которые можно приложить к конкретным случаям» [Дейк ван, 1988, с. 204].

Вышеуказанные обстоятельства и факторы обуславливают возможность выделения и обоснования такой области филологического знания, как риторика декодирования.

2. Риторика декодирования: понятие, сущность, объект и предмет

Понятие «риторика декодирования» вводится нами по аналогии с обоснованным сначала М. Риффатером [Riffaterre, 1964], а затем на отечественной почве И. В. Арнольд [Арнольд, 2002] понятием «стилистика декодирования, или восприятия». Последнюю определяют «как науку, которая изучает те стороны высказывания, которые передают лицу, принимающему и декодирующему сообщение, образ мыслей лица, кодирующего сообщение» [Арнольд, 2002, с. 17].

При этом «в стилистике восприятия внимание концентрируется не на писателе, а на результате его творчества, на воздействии, которое текст оказывает на читателя, т. е. на самого анализирующего» [Там же, с. 30—31]. Такое понимание функциональной сущности стилистики декодирования позволяет рассматривать ее в качестве теоретической основы интерпретации текста и сближает с риторикой, в сферу традиционных интересов которой входит изучение потенциала воздействующей речи.

Сопоставляя стилистику декодирования и риторику декодирования, мы отмечаем, что первая ориентирована «на идейные и эстетические ценности литературного произведения параллельно с получением лингвистической информации» [Там же, с. 33]. Фокус внимания второй направлен на реконструкцию механизмов формирования текста, оцениваемых с позиции эффективности коммуникативного взаимодействия.

Современное риторическое мировоззрение основывается «на признании того факта, что экспоненты риторической составляющей речевого сообщения есть показатели “эффективного” мышления продуцента (говорящего, пишущего) и одновременно необходимые предпосылки для изменения состояния и поведения реципиента (читающего, слушающего)» [Катышев, 2002, с. 31]. Другими словами, для риторики оказываются значимы как процесс трансформации «мысли в слово», так и осознание результата — действительности текста как продукта мыслеречевой деятельности в практике преобразования действительности и, соответственно, самих механизмов достижения текстовой успешности. Риторика не только обеспечивает говорящего технологиями текстообразования, но и снабжает слушающего инструментарием диагностики текстообразующего замысла продуцента.

В свете такой диадической природы описываемого феномена представляется логичным выделение риторики кодирования и риторики декодирования. При этом первую мы понимаем как теорию и практику технологического текстообразования, реализуемого продуцентом путем ориентировки на образ особого типа текста — риторического, основанного

на представлениях о коммуникативно-речевой эффективности. Вторую же определяем как теорию и практику реконструирования текстообразования, осуществляемого реципиентом (как правило, аналитиком) путем установления равноуровневых соответствий между риторическим текстотипом как образцом текстовой эффективности и конкретным текстом, функционирующим в том или ином дискурсе.

Но если риторическое кодирование с его двухтысячелетней концептуальной идеей риторического канона как технологии эффективного текстообразования, «завершенной модели речевой деятельности» [Безменова, 1991, с. 43] достаточно освоено в теоретическом и дидактическом аспектах, то риторическое декодирование открывает новые горизонты научного поиска.

Риторическое декодирование основывается на системе представлений о риторическом текстотипе, который мы трактуем в качестве модельного воплощения риторического кода, распознавание, оценка и интерпретация которого позволяют диагностировать эффективность / неэффективность текста в коммуникативной практике.

Таким образом, объектом риторики декодирования является текстообразующий замысел субъекта речи в аспекте категории эффективности, реализованный в конкретном тексте. Предметом выступают аналитические процедуры распознавания и диагностики кода текстообразующего замысла, основанные на выявлении стратегий текстообразования, а также способов и средств их вербализации, формирующих персуазивный, или воздействующий, потенциал текста.

Поскольку сама идея декодирования текста не может рассматриваться в отрыве от кодирующей практики продуцента, представляется актуальным обращение к когнитивно-коммуникативным аспектам текстообразования.

3. Риторический текст как ментальный образец: когнитивно-коммуникативные основания риторического декодирования

Кодирование текстообразующего замысла и его распознавание возможно при наличии как у кодирующего, так и у декодирующего системы представлений о тексте-образце, или тексте-эталоне. Он выступает, согласно терминологии психологов, психолингвистов и когнитологов, в качестве «заданного результата», «модели потребного будущего» (Н. А. Берштейн), «образа результата» (А. А. Леонтьев), «ориентировочного образа действия» (П. Я. Гальперин), «ментальной модели» (Е. С. Кубрякова). Здесь воплощение идея прототипа, который понимается исследователями

как «ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории: какой-либо образ, схема, идеал, стереотип, набор общих характеристик, гештальт. <...> Прототип — это концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее структуру и содержание, концепт категории или элемента категории» [Болдырев, 2012, с. 37].

В рамках предлагаемой концепции таким когнитивным ориентиром, или ментальным образцом, выступает так называемый риторический текст — абстрагированный от конкретного жанрового воплощения текстотип, созданный согласно риторическому канону как технологии эффективного текстообразования и характеризующийся типологическими параметрами, программируемыми структурой коммуникативного акта.

В структуру последнего, согласно модели языкового общения Б. Ю. Городецкого, входят коммуниканты, система коммуникативных замыслов, состоящая из практических и коммуникативных целей, обстоятельства общения, процессы вербализации и понимания, коммуникативный текст [Городецкий, 1989].

С позиции риторического кодирования, «чтобы построить текст, подходящий для данного контекста, люди должны хранить в памяти представление об этом контексте, то есть иметь *контекстную модель* (здесь и ниже курсив оригинала. — Л. Г.). Такая модель содержит информацию об участниках речевой коммуникации, их целях и о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст (завтрак, посещение врача или дебаты в парламенте). Контекстная модель контролирует как стиль, так и содержание и, следовательно, определяет, *какого* рода информация может или должна быть найдена в ситуативной модели» [Дейк ван, 2015, с. 170]. Рассуждая о хранении и управлении контекстной информацией, Т. ван Дейк заключает, что, в конце концов, контекстная модель обеспечивает построение текста определенного типа [Там же].

Иначе говоря, контекстная модель как структура представления знаний выступает в качестве когнитивного коррелята коммуникативной ситуации, ядро которой составляют компоненты коммуникативного акта. Именно они обуславливают систему признаков текстuality риторического типа, куда мы включаем персуазивность, основанную на аргументированности; акциональность; публичность; актуальность, масштабируемую на массовую аудиторию; диалогичность как результат экспликации авторства и адресности; осознанность как целенаправленное следование риторическому канону, предписывающему поэтапное текстопроизводство: от создания ментального сценария до его вербализации [Голышкина, 2019, с. 96—97].

Система типологических свойств риторического текста есть свидетельство категоризации объекта на субординатном уровне, требующем «специальных знаний, т. е. <...> отличительных признаков» [Болдырев, 2012, с. 45].

Когнитивно-коммуникативный подход к текстуальности позволяет установить следующие корреляции между компонентами структуры коммуникативного акта и свойствами риторического текстотипа:

- коммуниканты / диалогичность как следствие авторства и адресности;
- практическая цель / акциональность;
- коммуникативная цель / персуазивность;
- обстоятельства общения / публичность;
- процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность для реципиента предмета речи;
- коммуникативный текст / технологическая осознанность текстообразования.

Коммуникативно-когнитивные корреляции отражают аналитико-интерпретативную попытку осмысления природы риторического текстотипа как ментального образца, воплощающего идею эффективного текстообразования.

Текстовая эффективность, с нашей точки зрения, обеспечивается актуализацией и сохранением в тексте всего комплекса типологических признаков, ориентированных на коммуникативный акт, что и формирует максимальную степень риторичности. Условием эффективности риторического текста выступает возможность установления реципиентом соответствий между типологическим свойством текста (означаемым) и средствами вербализации (означающим).

Таким образом, риторическое декодирование предполагает возможность извлечения реципиентом представлений продуцента об исходном коммуникативном контексте из самого текста. Аргументы в поддержку данного суждения обнаруживаем в психолингвистических исследованиях. Так, Е. Ф. Тарасов, осмысляя исследовательский опыт и рассуждая о тексте как о превращенной форме реальной действительности, утверждает, что в любом тексте, кроме собственно передаваемого сообщения, содержится информация, «которая закодирована в языковых знаках помимо воли и желания коммуникантов и которая позволяет косвенным образом на основе анализа текста получить сведения о самом коммуникативном акте и его элементах» [Тарасов, 2009, с. 104]. В рамках обосновываемой концепции декодирование такой косвенной информации осуществляется путем риторической реконструкции текстообразования.

4. Риторическая реконструкция текстообразования как метод риторики декодирования

Базовым методом риторики декодирования выступает риторическая реконструкция текстообразования, концептуальным основанием которой является риторический канон — технология построения текста, отражающая универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову» и последовательно актуализирующая основные этапы создания текста — инвенцию, диспозицию и элокуцию [Безменова, 1991, с. 43; Ворожитова, 2005, с. 123—124; Клюев, 1999].

Риторическая реконструкция представляет собой разновидность риторического анализа текста, который связан с переосмыслением всей структуры и содержания риторического канона и в целом «направлен на выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения» [Леонтович, 2011, с. 76].

Риторическая реконструкция как метод риторики декодирования пристальное внимание уделяет анализу и интерпретации тех этапов риторического канона, которые отвечают за текстообразование. Сам акт публичной презентации, предъявление текста аудитории не входит в сферу ее прямых аналитических интересов. Кроме того, риторическая реконструкция сосредоточена не столько на результате текстообразования, сколько на самом процессе текстопроизводства — на глубинных механизмах формирования текста и его воздействующего потенциала.

Утверждение Т. ван Дейка о том, что «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван, 2015, с. 171], позволяет трактовать этапы построения текста как реализацию соответствующих стратегий текстообразования — инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Так, реализация инвентивной стратегии, инициирующей текстообразование, предполагает ментальную разработку предметного содержания текста, связанного с оформлением мотива и построением во внутренней речи концепции замысла продуцента.

Диспозитивная стратегия определяет дальнейшее формирование содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочение, результатом чего становится композиционно-аргументационная структура текста.

Элокутивная стратегия определяет селекцию и комбинацию языковых средств, которые призваны способствовать наиболее эффективной реализации целеполагания субъекта речи, а также создавать диалогичность текста, устанавливать и поддерживать интерперсональные отношения, понимаемые в качестве коммуникативных конвенций.

Следование риторическим стратегиям текстообразования трактуется как залог построения успешного текста, как непременно входное условие, обеспечивающее продуктивное декодирование реципиентом замысла продуцента.

Важно отметить, что риторическая реконструкция определяется нами как аналитическая процедура, позволяющая поэтапно рассматривать способы и средства вербализации стратегий текстообразования — как обеспечивающие персуазивный эффект, так и снижающие его, ведущие к попаданию текста в зону риторического риска.

Приведенный выше порядок следования этапов / стратегий текстообразования соответствует подходу от кодирующего. Декодировщик движется в обратном направлении: от элокуции к инвенции.

Реконструкция элокутивной стратегии текстообразования заключается в анализе селекции и комбинации языковых и речевых средств, в том числе и средств выразительности — тропов и фигур, реализующих цели субъекта речи, а также в выявлении комплекса средств авторизации и адресации, обеспечивающих диалогичность текста. На этом этапе декодирования мы верифицируем такие свойства риторического текста, как публичность и диалогичность, которые есть корреляты таких составляющих коммуникативного акта, как обстоятельства общения и коммуниканты.

Публичность эксплицируется соответствующими лексическими средствами и синтаксическими конструкциями, ориентированными на доступность восприятия текста для аудитории, нередко разнородной. Использование средств выразительности, в том числе и идиостилевых, служит инструментом аттракции. А средства авторизации и адресации создают выраженную интерперсональность, обеспечивают формату монолога диалогичность, как, например:

Учение происходит не только в школе, учение происходит всегда. Мозг, если что-нибудь и умеет, причем любой мозг, всехний мозг, не только человеческий, если он что-нибудь и может, то учиться. <...> На что влияют наши знания о мозге? <...> Как организовать образование? Может быть, не надо вкачивать в людей такое количество информации? Зачем ему таблица логарифмов, ну, условно, это я как метафору говорю. Ему зачем знать, когда Наполеон женился на Жозеффине — это что, важная информация? Или, может, он в Гугле это узнает через полторы секунды? Но вы могли бы мне сказать, и я сама себе все время говорю, и это правда, если мы отступим на противоположный полюс, тогда мы будем иметь тотальных дилетантов вообще везде, они ничего не будут знать, кроме

общих идей. Что тоже нас не устраивает, потому что я не хочу попасть к хирургу, который знает общие идеи, я хочу попасть к хирургу, который знает анатомию [Черниговская, 2015].

Реконструкция диспозитивной стратегии предполагает полиаспектный анализ композиционной организации текста. Так, структурно-семантический аспект связан с анализом селекции и комбинации коммуникативных регистров речи — строевых единиц текста, обеспечивающих смыслообразование. Аргументационный аспект объясняет механизмы создания персуазивности как ведущего свойства риторического текста путем закрепления за регистрами речи определенной аргументативной функции и моделирования строевыми единицами текста аргументационных комплексов. Формально-прагматический аспект представляет собой описание суперструктуры текста. Результатом декодирования становится выявленная цепь трансформаций композиционных единиц разных уровней, демонстрирующая последовательное преобразование смыслов в направлении от содержания к функции и только затем к форме [Гольшшкина, 2019].

Примером таких смысловых преобразований на композиционном уровне выступает текст С. Шаргунова «Хоть потоп»:

Во время большой беды и работы на удалёнке у некоторых появляется повод отлынивать от обязанностей (генеритивный регистр = тезис). *Например, чиновники реже стали отвечать на депутатские запросы* (информативный регистр = аргумент 1). *Тормозится поступление недешёвых лекарств для больных. Ужасно, что и для детей...* (информативный регистр = аргумент 2). *А вот история из подмосковного посёлка Зеленоградский Пушкинского района. Там сломалась и в течение трёх недель оставалась неисправна канализационная насосная станция* (информативный регистр = аргумент-иллюстрация 3) [Шаргунов, 2020]. Рассмотренный аргументационный комплекс 1-го уровня, построенный по дедуктивному принципу — от общего к частному, далее получает свое развитие в аргументационном комплексе 2-го уровня, демонстрирующем многострадальный процесс решения возникшей проблемы. Завершает текст умозаключение: *...Это реальная опасность — под предлогом эпидемии многие «ответственные лица» окончательно самоизолируются от всего остального люда. А дальше хоть потоп...* (генеритивный регистр = вывод) [Там же].

Представленная процедура анализа вскрывает текстообразующие операции, формирующие композиционно-аргументационную организацию текста, и эксплицирует пути смыслообразования.

Именно диспозитивный этап реконструкции демонстрирует методологическую связь риторики декодирования и лингвистики текста — на-

учного направления, изучающего единицы текстообразования, способы и средства создания связного текста, принципы его линейной организации, а также процедуры членимости, объясняющие процессы моделирования композиционной структуры текста.

На этапе реконструкции диспозитивной стратегии, сущность которой связана с изучением аргументации, мы выявляем механизмы формирования персуазивности текста, которая есть коррелят такого компонента акта коммуникации, как коммуникативная цель субъекта речи.

Реконструкция инвентивной стратегии текстообразования включает анализ объективации триады «тема — проблема — тезис», обуславливающей диктумное содержание текста. Здесь же определяется тип аудитории, которой адресован текст.

Этот этап декодирования связан с выявлением таких свойств риторического текста, как актуальность и акциональность. Актуальность мы трактуем как ориентацию продуцента на информационные потребности реципиента в режиме «здесь и сейчас». Актуальность предмета речи выступает своего рода катализатором понимания текста адресатом. Акциональность, в свою очередь, есть коррелят практической цели продуцента, которая соотносится с представлениями о том результате, который субъект речи предполагает достичь посредством текста в рамках того или иного вида социальной деятельности.

Идею акциональности, связанную с моделированием той реальности, которая необходима говорящему, наиболее наглядно эксплуатирует политический дискурс. Например, выступление Президента РФ В. В. Путина на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале от 4 июля 2007 года обеспечило победу заявки России на право проведения олимпиады 2014 года [Путин, 2007]. Актуальное в контексте глобальных проблем Обращение В. В. Путина к гражданам России в связи с эпидемией коронавируса от 25 марта 2020 года ввело меры по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции на территории РФ [Путин, 2020].

Как отмечалось выше, методологические возможности риторической реконструкции диагностируют как сильные стороны текста, так и зоны риторического риска текста, возникающие вследствие нереализованности или ущербности тактических механизмов воплощения той или иной стратегии текстообразования. Так, проведенный нами ранее анализ текста Обращения Президента РФ В. В. Путина к гражданам по вопросам пенсионной реформы от 29 августа 2018 года [Путин, 2018] выявил следующее. Реконструкция инвентивной стратегии текстообразования диагности-

рует такую зону риторического риска, как имплицитность предъявления практической цели говорящего. Реконструкция диспозитивной стратегии сигнализирует о рисках в области аргументации, а именно о частотности утверждений гипотетического характера, лишь претендующих на статус аргументов. Реконструкция элокутивной стратегии выявляет зону риска, возникающую в связи с неясностью референциальной отнесенности местоимения *мы* как средства установления интерперсональных отношений [Гольшшина, 2018].

Таким образом, предложенный метод направлен на извлечение из текста информации о коммуникативном акте, о контекстной модели продуцента, на декодирование его представлений о тексте-образце, обеспечивающем эффективное текстообразование, на обнаружение и систематизацию способов и средств вербализации стратегий создания текста, на определение зон риторического риска текста.

Области применения риторической реконструкции достаточно многообразны. Выступая инструментом диагностики эффективности текста, этот метод может быть использован в практике лингвистических экспертиз, в обучении лингвистическому анализу и технологиям углубленного чтения, в практике спичрайтинга, в коммуникативных тренингах, направленных как на обучение успешной текстовой деятельности, так и на обнаружение сигналов речевого воздействия, в том числе и суггестивного типа.

5. Заключение

Краеугольным камнем теории и практики декодирования является концепция кода. Так, еще Р. Барт, рассуждая о сущности лингвистики текста, отмечал, что ее предшественница — риторика — в течение многих столетий ставила перед собой задачу фиксации речевого кода (*code de la parole*) [Барт, 2001, с. 174].

В риторике декодирования идея кода воплощается в модели риторического текста, несущем информацию о коммуникативной ситуации / коммуникативном акте. Аргументом в поддержку такого исследовательского ракурса выступает понятие кода в семиологической концепции У. Эко, который определяется ученым как «структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря тому и обретают способность быть сообщаемыми» [Эко, 2004, с. 84].

Выявление представлений продуцента о тексте-образце, рассматриваемом нами в качестве текстообразующего кода, осуществляется посредством риторической реконструкции текстообразования как разновидности

риторического анализа текста. Предлагаемый метод, поэтапно дешифрующий текстообразующий замысел субъекта речи и диагностирующий эффективность / неэффективность текста в коммуникативной практике, видится нам действенным инструментом на пути «преодоления чуждости текста» [Гадамер, 1991, с. 199], что в современной ситуации перепроизводства информации и недопроизводства смысла способствует решению проблем понимания.

Предложенное теоретико-методологическое обоснование, связанное с определением непреходящих составляющих любого научного направления — объекта, предмета, метода, понятийного аппарата, позволяет риторике декодирования заявить о собственном лингвоонтологическом статусе, обеспечивающем ей место в парадигме направлений современной филологии.

Перспективы исследования связаны с проведением сопоставительного анализа риторической реконструкции и методологического арсенала смежных риторических направлений, в первую очередь таких, как риторическая герменевтика и риторическая критика. Кроме того, представляется продуктивным расширение корпуса текстов, подвергшихся риторическому декодированию, и накопление аналитических данных, увеличивающих степень валидности риторической реконструкции.

Источники

1. Путин В. В. Выступление на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале, 04.07.2007 [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Президент России : сайт. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24402>.
2. Путин В. В. Обращение Президента к гражданам России, 29.08.2018 [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Президент России : сайт. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>.
3. Путин В. В. Обращение к гражданам России, 25.03.2020 [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Президент России : сайт. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061>.
4. Черниговская Т. В. Как научить мозг учиться? 30.05.2015 [Электронный ресурс] / Т. В. Черниговская // Открытое пространство : сайт. — Режим доступа: <http://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/>.
5. Шаргунов С. А. Хоть потоп, 30.03.2020 [Электронный ресурс] / С. А. Шаргунов // Сергей Шаргунов : сайт. — Режим доступа: <https://shargunov.com/publikacii/hot-potop.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. — Москва : Флинта: Наука, 2002. — 384 с. — ISBN 5-89349-363-X (Флинта); ISBN 5-02-022688-2 (Наука).

2. *Барт Р.* Лингвистика текста / Р. Барт // Текст: аспекты изучения: семантика, прагматика, поэтика: сборник статей. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — С. 168—175. — ISBN 5-8360-0401-3.
3. *Безменова Н. А.* Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. — Москва : Наука, 1991. — 215 с. — ISBN 5-02-011087-6.
4. *Болдырев Н. Н.* Теоретические аспекты языковой категоризации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — Вып. 10. Категоризация мира в языке : коллективная монография. — Москва : Институт языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. — С. 17—120. — ISBN 978-5-89016-803-0.
5. *Ворожбитова А. А.* Теория текста: антропоцентрическое направление : учебное пособие / А. А. Ворожбитова. — Москва : Высшая школа, 2005. — 367 с. — ISBN 5-06-004942-6.
6. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — 367 с. — ISBN 5-210-0261-X.
7. *Гольшикина Л. А.* Полиаспектность композиционной структуры риторического текста / Л. А. Гольшикина // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 94—109. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-94-109.
8. *Гольшикина Л. А.* Система риторических стратегий текстообразования как фактор эффективности политической коммуникации / Л. А. Гольшикина // Политическая лингвистика. — 2018. — № 6 (72). — С. 34—42.
9. *Городецкий Б. Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 24. Компьютерная лингвистика. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 5—31.
10. *Дейк ван Т. А.* Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. — Москва, 1988. — С. 153—211.
11. *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 320 с. — ISBN 978-5-9710-1387-7.
12. *Катышев П. А.* Риторика как дисциплина / П. А. Катышев // Риторика : учебно-методический комплекс для студентов гуманитарных факультетов. — Кемерово : КемГУ, 2002. — С. 21—54. — ISBN 5-8154-0060-2.
13. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция) : учебное пособие для вузов / Е. В. Клюев. — Москва : ПРИОР, 1999. — 272 с. — ISBN 5-7990-0238-5.
14. *Косарев А. В.* Риторический поворот: концепция риторического исследования в науке / А. В. Косарев // Философия науки. — 2016. — № 4 (71). — С. 13—25. — DOI: 10.15372/PS20160402.
15. *Леонтович О. А.* Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. — Москва : Гнозис, 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-94244-042-8.
16. *Панов М. И.* Риторика / М. И. Панов, Л. Е. Тумина // Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь-справочник. — Москва : КРПА Олимп, 2005. — С. 323—328. — ISBN 5-7390-1592-8.
17. *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский. — Москва : Флинта; Наука, 2003. — 176 с. — ISBN 978-5-89349-571-3.
18. *Тарасов Е. Ф.* К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — С. 5—147. — ISBN 978-5-397-00602-6.

19. Чувакин А. А. К теории методов риторического исследования / А. А. Чувакин // Записки Горного института. — Санкт-Петербург, 2005. — Т. 160, Ч. 1. — С. 99—100.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — 544 с. — ISBN 5-89091-252-6.
21. Baudrillard J. Simulacres et simulation / J. Baudrillard. — Paris : Galilée, 1981. — 235 p. — ISBN 2-7186-0210-4.
22. Riffaterre M. The Stylistic Function / M. Riffaterre // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. — Cambridge : Mas, 1964. — P. 316—323.
23. *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / H. W. Simons (ed.). — University of Chicago Press, 1990. — 388 p. — ISBN-10: 0226759024; ISBN-13: 978-0226759029.

DECODING RHETORIC: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF THE SCIENTIFIC DIRECTION

© Lyudmila A. Golyshkina (2020), orcid.org/0000-0003-1016-6103, WoS Researcher-ID AAI-9911-2020, PhD in Philology, associate professor, Department of Philology, Faculty of Humanities Education, Dean of the Faculty of Advanced Studies, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), lag@fpk.nstu.ru.

The theoretical and methodological substantiation of a new philological trend — decoding rhetoric, which is formed by synthesizing analytical rhetoric, cognitive science, semiotics, and text linguistics is presented in the article. Actual circumstances and factors that determine the possibility of highlighting the decoding rhetoric are indicated. A comparison of the style of decoding and decoding rhetoric is carried out. The concept of decoding rhetoric is described, its object and subject are formulated. The cognitive-communicative foundations of rhetorical decoding are considered. The concept of a rhetorical textotype as a cognitive landmark, or mental pattern programmed by the structure of a communicative act, is introduced. The rhetorical textotype as a model with the persuasive or acting potential of the text acts as a reference point for recognizing the producer's text-forming intention. Communicative-cognitive correlations are established that explain the essence of an effective text. Particular attention is paid to the rhetorical reconstruction of text formation as a research method. Rhetorical reconstruction as an analytical procedure allows to gradually consider the methods and means of verbalization of text formation strategies — inventive, dispositive and elocative. Rhetorical reconstruction acts as a tool for diagnosing the effectiveness of the text, and also identifies areas of its rhetorical risks. Areas of application of rhetorical reconstruction are indicated. The prospects of studying decoding rhetoric as a field of knowledge claiming its own linguo-ontological status are outlined.

Key words: decoding rhetoric; rhetorical textotype; mental pattern; context model; communicative act; typological features; rhetorical text formation strategies; rhetorical reconstruction of text formation.

MATERIAL RESOURCES

Chernigovskaya, T. V. (2015). Kak nauchit' mozg uchitsya? 30.05.2015. In: *Otkrytoye prostranstvo: sayt*. Available at: <http://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed-lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/>. (In Russ.).

- Putin, V. V. (2020). Obrashcheniye k grazhdanam Rossii, 25.03.2020. In: *Prezident Rossii: sayt*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63061>. (In Russ.).
- Putin, V. V. (2007). Vystupleniye na 119-y sessii Mezhdunarodnogo olimpiyskogo komiteta v Gvatemale, 04.07.2007. In: *Prezident Rossii: sayt*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24402>. (In Russ.).
- Putin, V. V. (2018). Obrashcheniye Prezidenta k grazhdanam Rossii, 29.08.2018. In: *Prezident Rossii: sayt*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>. (In Russ.).
- Shargunov, S. A. (2020). Khot' potop, 30.03.2020. In: *Sergey Shargunov: sayt*. Available at: <https://shargunov.com/publikacii/hot-potop.html>. (In Russ.).

REFERENCES

- Arnold, I. V. (2002.). *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk: uchebnik dlya vuzov*. Moskva: Flinta: Nauka. ISBN 5-89349-363-X (Flinta); ISBN 5-02-022688-2 (Nauka). (In Russ.).
- Bart, R. (2001). Lingvistika teksta. In: *Tekst: aspekty izucheniya: semantika, pragmatika, poetika: sbornik statey*. Moskva: Editorial URSS. 168—175. ISBN 5-8360-0401-3. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée. ISBN 2-7186-0210-4. (In French).
- Bezmenova, N. A. (1991). *Ocherki po teorii i istorii ritoriki*. Moskva: Nauka. ISBN 5-02-011087-6. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2012). Teoreticheskiye aspekty yazykovoy kategorizatsii. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka, 10. Kategorizatsiya mira v yazyke: kollektivnaya monografiya*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. 17—120. ISBN 978-5-89016-803-0. (In Russ.).
- Chuvakin, A. A. (2005). K teorii metodov ritoricheskogo issledovaniya. In: *Zapiski Gornogo institute, 1/1*. Sankt-Peterburg. 99—100. (In Russ.).
- Deyk van, T. A. (2015). *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya*. Moskva: LENAND. ISBN 978-5-9710-1387-7. (In Russ.).
- Deyk van, T. A., Kinch, V. (1988). Strategii ponimaniya svyaznogo teksta. *Novoye v zarubezhnoy lingvistik, 23. Kognitivnyye aspekty yazyka*. Moskva. 153—211. (In Russ.).
- Eko, U. (2004). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu*. Sankt-Peterburg: Simpozium. ISBN 5-89091-252-6. (In Russ.).
- Gadamer, G.-G. (1991). *Aktualnost' prekrasnogo*. Moskva: Iskusstvo. ISBN 5-210-0261-X. (In Russ.).
- Golyshkina, L. A. (2018). Sistema ritoricheskikh strategiy tekstoobrazovaniya kak faktor effektivnosti politicheskoy kommunikatsii. *Politicheskaya lingvistika, 6 (72)*: 34—42. (In Russ.).
- Golyshkina, L. A. (2019). Polyaspectivity of the Compositional Structure of the Rhetorical Text. *Nauchnyi dialog, 10*: 94—109. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-94-109. (In Russ.).
- Gorodetskiy, B. Yu. (1989). Kompyuternaya lingvistika: modelirovaniye yazykovogo obshcheniya. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike, 24. Kompyuternaya lingvistika*. Moskva: Progress. 5—31. (In Russ.).

- Katyshev, P. A. (2002). Ritorika kak distsiplina. In: *Ritorika*. Kemerovo: KemGU. 21—54. ISBN 5-8154-0060-2. (In Russ.).
- Klyuev, E. V. (1999). *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya)*. Moskva: PRIOR. ISBN 5-7990-0238-5. (In Russ.).
- Kosarev, A. V. (2016). Ritoricheskiy povorot: kontseptsiya ritoricheskogo issledovaniya v nauke. *Filosofiya nauki*, 4 (71): 13—25. DOI: 10.15372/PS20160402. (In Russ.).
- Leontovich, O. A. (2011). *Metody kommunikativnykh issledovaniy*. Moskva: Gnozis. ISBN 978-5-94244-042-8. (In Russ.).
- Panov, M. I., Tumina, L. E. (2005). Ritorika. In: *Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika: slovar'-spravochnik*. Moskva: KRPA Olimp. 323—328. ISBN 5-7390-1592-8. (In Russ.).
- Riffaterre, M. (1964). The Stylistic Function. In: *Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics*. Cambridge: Mas. 316—323.
- Rozhdestvenskiy, Yu. V. (2003). *Printsiipy sovremennoy ritoriki*. Moskva: Flinta; Nauka. ISBN 978-5-89349-571-3. (In Russ.).
- Simons, H. W. (ed.). (1990). *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry*. University of Chicago Press. ISBN-10: 0226759024; ISBN-13: 978-0226759029.
- Tarasov, E. F. (2009). K postroyeniyu teorii rechevoy kommunikatsii. In: *Teoreticheskiye i prikladnyye problemy rechevogo obshcheniya*. Moskva: LIBROKOM. 5—147. ISBN 978-5-397-00602-6. (In Russ.).
- Vorozhbitova, A. A. (2005). *Teoriya teksta: antropotsentricheskoye napravleniye*. Moskva: Vysshaya shkola. ISBN 5-06-004942-6. (In Russ.).